

— Септимус, где ребенок, которого я принес?

— Она была так измучена, что сначала вымылась, а теперь отдыхает.

— Хорошая работа. Тогда могу ли я увидеть ее на секунду?

— Я думаю, тебе лучше это сделать. Ребенок выглядит обеспокоенным, потому что не знает, зачем она сюда пришла. На самом деле, другие люди в замешательстве, потому что тоже не знают зачем. Нет никаких рекомендаций, как вести себя с ней в будущем, поэтому это необходимо.

Чжэ Хун спокойно кивнул головой.

— Я все еще пытаюсь разобраться в этом.

Сказав это, Чжэ Хун отправился к девушке один.

Девушка стояла на кровати с ошеломленным выражением лица, как будто только что проснулась.

Несмотря на то, что она была только что вымыта, Чжэ Хун не мог ее узнать.

Возможно, благодаря верному поступлению питательных веществ, даже кожа, выглядевшая как у трупа, стала выглядеть слабо окрашенной.

На ней была длинная, по щиколотку, белая туника.

— Синяки на твоём теле со временем пройдут, так что не волнуйся. Ты можешь понять, что я говорю?

Когда Чжэ Хун сказал это, девушка внезапно встала со своего места и опустилась на колени.

— Я плохо себя чувствую, поэтому я просто лежала. Я не такая уж и забитая.

— Не стоит беспокоиться, я не хотел тебя удивить.

— Спасибо, милосердный господин.

— С меня хватит милосердного господина, зови меня просто, молодой господин.

Девушка говорила на латыни с приемлемым, хотя и несколько грубоватым, акцентом.

Глаза, наполненные страхом, благодарностью и тревогой, смотрели на Чжэ Хуна.

Крепко сжав дрожащие руки, девушка набралась смелости и заговорила.

— Я хорошо убираюсь и слушаю, что мне говорят. Пожалуйста, не бейте меня. Я сделаю все, как вы скажете.

После того, как девочка закончила говорить, она рефлекторно сжалась.

'Неужели она думала, что ее побьют за самонадеянную просьбу?'

Чжэ Хун, не знавший всего, через что ей пришлось пройти, не мог предположить. Поэтому он заговорил мягко, как бы успокаивая.

— Никто здесь не будет тебя бить. Как старший сын этой семьи, я гарантирую это. Большинство рабов моей семьи - профессионалы. С ними обращаются иначе, чем в других местах.

В глазах девушки вместо страха появился намек на ожидание.

Мертвые карие глаза наконец-то стали похожи на глаза живого человека.

— Правда... Спасибо...

— Кстати, как тебя зовут?

— В родном городе я носила имя Данаи. Здесь...

— Тогда я буду звать тебя просто Данаей. Это греческое имя, твой родной город находится на западе Фракии?

— Да. Это была область, почти граничащая с Грецией. Там я попала в рабство и до сих пор...

Слезы навернулись на глаза Данаи. Случаи освобождения, а затем попадания в рабство настолько распространены, что об этом даже почти не говорят.

Однако, с точки зрения человека, которого это касается, это не то, мимо чего можно пройти, даже если это не является большой проблемой.

— Твоя семья? Есть ли у тебя желание найти их снова?

— Мои родители скончались, а младший брат, который был захвачен вместе со мной... вероятно, уже мертв. Он был очень слабым ребенком.

— Понятно. Итак, как ты хочешь жить в будущем?

— Да? Конечно, как раб своего господина... Я, я никогда не вынашивала никаких неуважительных мыслей. У меня нет никакого желания возвращаться в рабство или бежать!

Лицо Данаи побелело, и она подумала, не проверяет ли он ее верность.

Она много раз видела, и не понаслышке, как жалко ломают раба, желающего свободы.

— Успокойся. Я спросил, потому что хочу знать, кем ты хочешь быть.

— Что за вопрос... Кем я хочу быть?

— В этом мире раб - не более чем собственность владельца. Но в прошлом ты, наверное, была человеком. Теперь ты называешь себя инструментом.

— Потому что мы и есть инструменты... Верно?

Чжэ Хун посмотрел ей в глаза. Ее не заставляли придумывать, но это было то выражение, о котором она действительно думала.

Таков был закон этого мира, даже те, кто проклинал рабство, не могли отрицать закон, опутавший их.

Сильный напивается, а слабый съедается.

Для Рима, гегемона в Средиземноморье, естественно властвовать над более слабыми странами и народами.

Если бы превосходство силы было обратным, то страдающие сейчас люди спокойно сделали бы то же самое.

— Ты действительно хочешь так жить? Сейчас я даю тебе шанс сделать выбор. Хочешь ли ты стать рабом, который отказывается от своих мыслей и живет только так, как тебе говорят? Или ты хочешь стать человеком, который может всерьез сомневаться в мире?

— Вы хотите сказать, что если я захочу освободиться, я освобожусь?..."

— Это немного отличается от этого. По правде говоря, ты сейчас находишься на перепутье выбора. Твой ответ определит направление, по которому ты пойдешь.

Данаи, не понимая слов Чжэ Хуна, наклонила голову.

Но он не хотел, чтобы она его понимала, поэтому это была естественная реакция.

Он хотел добиться уверенности в собственном выборе.

Он хотел убедиться, что люди этой эпохи вообще готовы к реформам, которые он задумал провести. К миру, который он собирался создать.

Потому что не было необходимости пытаться реформировать, если те, кто попал в рабство, поддаются страху, который укоренился в их костях.

'Что ты хотела делать? Неважно, быть рабом или что-то еще, лишь бы это грело спину и давало сытость'.

— Если ты хочешь, я дам тебе такое же образование, как и мужчинам. Если ты докажешь свою ценность, ты можешь быть освобождена. Но несмотря ни на что, ты - освобожденная рабыня из Фракии и ты - женщина. Твои знания будут увеличиваться, и твои глаза, чтобы видеть мир, будут расширяться. Чем больше он будет распространяться, тем глубже будет разочарование. Ты можешь подумать, что лучше было просто вырасти невежественной, полноправной рабыней.

"..."

— Я не хочу идти навстречу людям, которые просто стоят на месте, как дерево, ожидающее дождя с неба. Но если вы все же хочешь стать кем-то, кто не является объектом...

Из уст Чжэ Хуна вылетело заявление, которое невозможно было подхватить снова.

— Я изменю этот Рим. И я говорю не только об освобождении рабов.

Он не думал, что полное освобождение возможно, и у него даже не хватало духу сделать это. Достаточно было просто заставить их хотя бы относиться к себе как к людям.

Отношение к людям как к людям - это лишь один из аспектов Рима, который Чжэ Хун хотел изменить.

Неоспоримой истиной было то, что в наше время западная цивилизация удерживает инициативу в мировой цивилизации. И Рим также был корнем западной цивилизации.

Экономика, политика и общество. В любом случае, если Рим изменится, мир тоже изменится.

— Я...

Голос Данаи дрогнул. Слова Чжэ Хуна потрясли весь мир, через который она прошла.

Это не была бравада дворянина.

Свет вернулся в ее глаза, отяжелевшие от жестокой реальности. Ее губы задрожали.

Вскоре слезы навернулись в ее карих глазах и побежали по лицу. И она зарыдала так, словно прорвалась плотина. Ее плач был многозначен.

Обида на судьбу - быть порабощенной и на окружающих, которые сделали ее такой.

Облегчение от того, что она вновь обрела надежду и искреннее желание жить как человек.

Чжэ Хун протянул руку и легонько похлопал ее по спине.

— Я понял твой ответ.

— Мне жаль... И большое спасибо.

— Я скажу тебе, что делать, как только ты почувствуешь себя лучше. Учись усердно и расширяй свой кругозор.

Данаи несколько раз икнула, а потом едва перестала плакать.

— Эй... Я еще не слышала имени молодого мастера...

— Мое имя?

Чжэ Хун медленно отстранился и встал прямо.

Слепящий солнечный свет, проникающий через двор, осветил его.

Ли Чжэ Хун вложил свое новое имя в рот, как будто решил для себя.

Да. Он больше не был Ли Чжэ Хуном.

— Маркус Лициний Красс. Это мое имя.

Он отказался от имени Ли Чжэ Хун и принял для себя имя Маркус.

С твердой решимостью он повернулся и вышел из комнаты. Оставив в сердце Данаи лишь жгучий жар.

<http://tl.rulate.ru/book/88313/2851290>